

— В мою комнату, сейчас же.

Дворцовый управитель был, казалось, в равной степени растерян и напуган.

— Но у вас нет комнаты...

Он замолчал, а потом опустился на колени и низко склонил голову.

Теперь была.

Глава 2

Предреченный герой

У Вэнь Цзяня, Предреченного героя, воина пяти Поднебесных, спасителя народов Чжун, ужаса орд Катуга день выдался тяжелым. Юноша впервые в жизни проиграл бой, в приступе гнева сломал любимый тренировочный меч о стену, загнал в руку две занозы и вдобавок пропустил ужин, потому что его вызвал к себе дядя Фаару.

Цзянь вышел из башни, которую называл своим домом, похлопал, как и всегда, по каменной табличке с надписью «Башня неувядающего мужества» и пересек безлюдный Небесный двор. Не обращая внимания на мелькание длинных теней и тихие шаги за спиной, он устремился в центр, к Сердцу престола Тяньди.

Король, сверкая золотом, уже клонился к закату, а Королева, следуя за супругом по небу, приближалась к зениту. Их дети-близнецы, Принц и Принцесса, только начали восхождение, показавшись на южном краю неба. Вечер в это время года был особенно светлым — все три луны сияли ярко, окрашивая землю синим, зеленым и фиолетовым.

Мысли у Цзяня бешено неслись, в основном по кругу, пока он спешил к дяде Фаару. Юноша вспоминал унизительные утренние события, и ему было о чем тревожиться. Что случилось? Почему он проиграл? Он же все делал

верно. Может, наставники отменили вечернее занятие, чтобы обсудить его поражение? Юноша надеялся, что так и есть. Кто-то должен понести кару за это возмутительное вмешательство. Он — Предреченный герой. Никто не вправе с ним так поступать.

Юноша пришел к единственному логичному выводу: эта простолоудинка — женщина, которую Цзянь сначала принял за служанку, забывшую одеться как положено, — несомненно, сплутовала. И с какой стати мастера так заволновались, будто она в самом деле важная персона? Женщина застала его врасплох, когда спрыгнула с балкона и ни с того ни с сего влезла в бой. Он просто не был готов. Это нечестно. Почему ее не остановили?

Цзянь, борясь с досадой, сунул руки поглубже в карманы. Герои не грызут ногти. Герои не плачут. В такие минуты Цзянь радовался, что может остаться наедине со своими мыслями. Ему было бы очень стыдно, если бы наставники или дядя Фаару увидели его в таком состоянии.

Он был величайшим юношей во всех Просвещенных государствах. Ему постоянно все об этом говорили. Цзяню предстояло стать великим воином, привести Чжун к победе над злыми и гнусными ордами Хана и даровать миру покой. Вот для чего он родился на свет и жил здесь, в Небесном дворце. Вот почему лучшие мастера собрались тут и обучали его. Поэтому за целую жизнь он не потерпел ни одного поражения на тренировочной площадке. Потому что все это было истиной. А значит, старуха смошенничала, чтобы выставить его в дурном свете. Другого объяснения не могло быть. Но зачем?

Цзянь почувствовал одновременно облегчение и ярость. От него зависело слишком много судеб. Он не мог проиграть. Сжухлячить для того, чтобы опозорить Предреченного героя... Это недопустимо. У Цзяня вырвалось сдавленное рычание. Он нахмурился, сжал кулаки, едва не проделав дыры в карманах, и гневно зашагал по плитке к Сердцу престола Тяньди.

Юноша на мгновение остановился у подножия Тысячи ступеней мудрости — на самом деле их было восемьсот четырнадцать — и бросился бегом по лестнице. Пока он перескакивал через три ступеньки за раз, за спиной у него слышались топот и тяжелое дыхание.

Он достиг верхней площадки, немного запыхавшись, и дважды глубоко вдохнул. Наверх вовсе не обязательно было бежать, но, когда Цзянь волновался, ему всегда хотелось дать волю скорости. Однако стоило привести себя в порядок, прежде чем явиться к дяде.

Юноша вытянул руку.

— Платок!

Никто не появился. Цзянь, не скрывая досады, нетерпеливо потрянул рукой. Спустя несколько мгновений послышалось сопение. Полотенценосец, седой старик, униженно пробормотал извинения и низко поклонился, прежде чем вытереть лоб Цзяня шелковым платком. Толку от этого в такую жару было немного.

Цзянь протянул другую руку.

— Пить!

Появился виночерпий, неся на подносе охлажденный персиковый сок. Он тоже запыхался и от спешки пролил немного сока на рукав. Цзянь решил не обращать на это внимания. Он повидал столько мальчишек-виночерпиев, что не мог удержать их лица в памяти. Юноша взглянул на слугу еще раз и мысленно поправился: «Девчонка».

— Мне опять нужно принять ванну, — пробормотал он.

— Конечно, спаситель народов Чжун, — отозвался кто-то из-за спины. — Она будет готова к моменту, как вы вернетесь из тронного зала.

Кто-то зашагал вниз по лестнице.

Цзянь направился к парадной двери, ведущей в Сердце престола Тяньди. Двое из его свиты побежали вперед, к массивным створкам, собираясь распахнуть их перед ним. Он узнал в воинах Хораши и Ригу, поприветствовал их коротким кивком, затем остановился и как мог оправил

мятое платье. В отличие от остальных членов свиты личные телохранители Цзяня не были легко заменимы.

Почетные стражи: седой ветеран, время службы которого скоро подходило к концу, и молодой человек в расцвете сил, — оба были в парадных доспехах, и на поясе у них висели посеребрённые сабли. Хораши и Рига — прославленные военные искусники — поклялись служить Предреченному герою и защищать его от всех опасностей.

Вместо того чтобы подать знак открыть двери, Цзянь несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями и обрести прежнюю уверенность. Пальцы, которыми он цеплялся за лакированные черные резные украшения на дверном косяке, побелели.

— Вы готовы, спаситель? — спросил Хораши — старший, с редкими растрепанными короткими волосами и многочисленными шрамами, свидетельствующими о долгой и славной службе. — Что-то вас тяготит?

С губ Цзяня сорвался вздох.

— Просто я рассержен.

Рига — младший, с гладким лицом и густой гривой черных волос, стянутых в хвост, — держался за другую ручку двери.

— Вы сердитесь, потому что проиграли схватку?

Рига был еще новичком, его приняли на место одного из телохранителей, который погиб во время покушения, предпринятого неким катуанцем около года назад. Хотя воин и был учтив, но Цзянь с досадой подумал, что этот тип редко выказывал должное почтение.

— Я не проиграл. Бой был нечестным.

Телохранитель пожал плечами:

— Битвы не всегда бывают честными. Однажды я захотел пройти без очереди к лучшей девице в борделе. Так на меня набросились сразу семеро.

— Семеро на одного — это нечестно, — согласился Цзянь.

Рига опять пожал плечами и похлопал себя по поясу.

— Конечно, нечестно. У меня же был меч.

Хораши нахмурился.

— Пятеро тяжеловооруженных стражей против битой солдатни, которую набрали на улицах, — это нечестно? — На лбу у него залегли глубокие морщины. — Нечестно по отношению к кому?

Только старшему телохранителю позволялось говорить с Цзянем так прямо. Хораши был рядом, сколько Цзянь себя помнил. С течением лет слуги и телохранители сменялись — неизменным оставался лишь Хораши. На службу во дворец он поступил еще молодым. Его точно не упрекнуть в отсутствии опыта.

— Да кому нужны честные схватки? — заметил Рига. — Кто дерется честно, тот глуп или мертв.

— На войне — возможно, — возразил Хораши. — Но на арене нужно помнить о чести и правилах.

— Хватит, — рассеянно перебил Цзянь. Эти двое никогда не соглашались друг с другом и вечно устраивали громкие перепалки. У юноши голова болела от их споров.

Хораши и Рига немедленно повиновались. Цзянь скрестил руки на груди и заявил:

— Старуха сжульничала. Это не проигрыш. Я по-прежнему считаюсь непобедимым. Я изложу свои доводы наставникам и заставляю их пересмотреть сегодняшний результат.

— Это всего лишь тренировка... — начал Хораши, замолчал и вздохнул. — Как скажете, спаситель.

— Я готов. Открывайте дверь, — велел Цзянь, поддерживая рукава. — Пора напомнить всем, зачем они здесь собрались.

Прежде чем дверь открылась, Хораши наклонился и поправил Цзяню воротник, а потом послунил палец и вытер юноше щеку и лоб. Когда тот отшатнулся, Хораши усмехнулся и взъерошил своему подопечному волосы.

— Теперь вы выглядите, как подобает герою. Помните — уверенность через смирение.

Дверь распахнулась, и грянул гонг. Двое телохранителей вошли первыми, затем Цзянь, затем слуги. Цзянь хотел уже приказать глашатаю тронного зала возвестить о его прибытии, но осекся. Глашатая в зале не было. Более того, не было никакой официальной аудиенции. Только маленькая кучка людей теснилась у подножия трона — и все они стояли, повернувшись к юноше спиной.

Голоса звучали гневно и неразборчиво, как на базаре. Слова гулким эхом разносились по залу. Ничуть не смущенный тем, что его не заметили, Цзянь ворвался в Зал просвещенных мыслей вместе с Хораши и Ригой. Только когда он подошел к спорящим почти вплотную, на него наконец обратили внимание.

Простолюдинка, которая вмешалась в учебный бой, стояла в кругу и отругивалась. Увидев Цзяня, она ткнула пальцем ему через плечо и поинтересовалась:

— Во имя юбок Королевы, это еще что такое?

Цзянь вспыхнул от негодования. Он не привык к таким приветствиям.

— Да как ты смеешь... ты обращаешься к...

Под взглядом этой женщины слова застряли у него в горле.

— Я не о тебе, а о них, — и она снова указала ему за плечо.

Цзянь непокорно вздернул подбородок:

— Это мои прислужники. Они исполняют мои приказы и заботятся о моих удо...

— Вон. Вы распущены.

Цзянь не собирался сдаваться так легко.

— Но они мне необходимы!

— Сейчас же вон!

Бедные слуги затоптались, не зная, кому повиноваться, и пытаясь спрятаться друг за друга. Наконец, к огромной досаде Цзяня, они приняли сторону этой громкоголосой простолюдинки. Девочка-виночерпий, заливаясь слезами, приблизилась к Цзяню, с поклоном протянула ему кубок

и поспешно вышла. Остальные последовали за ней. Хораши и Рига, верные стражи, с вызовом сложили руки на груди и остались стоять.

Женщина вновь взглянула на Фаару.

— Что и подтверждает мою правоту!

Фаару встал между Цзянем и незнакомкой.

— Великий спаситель народов Чжун, позвольте представить вам мастера Линь Тайши из школы Шепчущих Ветров семьи Чжан. Семейный стиль...

— Довольно, Фаару, — перебила та, не сводя глаз с Цзяня.

— Это просто возмутительно, дядя, — в присутствии Фаару Цзяню стало спокойнее. — Мои занятия крайне важны, в них не вправе вмешиваться какие-то простолюдины...

Голос Цзяня оборвался. Юноша впервые заметил тяжелое молчание остальных. На лицах присутствующих было мало радости. Ван как будто собирался в бой. Синсин казался смертельно обиженным, Сун громко шмыгал носом, словно сдерживал слезы. Единственным человеком, не выказывавшим ни горя, ни гнева, была эта самая Линь Тайши. Кто она такая? Кто вообще слышал о мастере, не желающем перечислять своих предков? Наставники в первую очередь заставили Цзяня вызубрить их родословную, когда взялись за его обучение. Разве она не гордится своим происхождением?

Цзянь заставил себя посмотреть ей в лицо — и отвел глаза, как только их взгляды столкнулись. Он поймал себя на том, что внимательно изучает собственные ноги.

— Мастер Линь... — промямлил он.

Он вновь попытался взглянуть женщине в лицо, но эти глаза... И во второй раз Цзянь уперся взглядом в пол, а затем посмотрел на своих сторонников.

— Наставники, в чем дело?

Нинчжу сложил руки на груди.

— Мастер Линь полагает, что мы скверно вас обучаем.

— Она считает, что мы — люди, посвятившие вам жизнь, — не нужны здесь, — добавил Сун.

— Она утверждает, будто мы плохие и никчемные наставники, — сказал Хили.

— Она посмела обвинить меня в мошенничестве! — подхватил Чан.

— Ну, ну, — вмешался Фаару. — Я уверен, госпожа посланница не это имела в виду...

Тайши усмехнулась:

— О нет. Именно это. Вы, самозванцы и подхалимы, позорите свое звание и положение.

Услышав это, мастера взорвались. Молчали только Тайши и Фаару, которому явно было неловко и боязно. А вот Тайши, казалось, скупала. Она достала из кармана персик и надкусила его.

— Ну, ну, — повторил Фаару, размахивая руками в тщетной попытке всех успокоить. — Давайте соблюдать правила приличия!

— Она сказала мне в глаза, что я купил свое звание! — воскликнул Синсин.

— Когда вы разорили школу мастера Чэня, а потом заняли его место... — начал было Ван.

— Как вы смеете! Школа законно перешла в мои руки!

Наставники набросились друг на друга так, что их чуть не пришлось разнимать. Все мастера потрясали кулаками и уверяли, что именно их умения необходимы в войне против орд Катуга.

— А если Цзяню придется сражаться с конниками? Стиль моей семьи — владение копьем! У Хана больше конных воинов, чем звезд на небе!

— А если он столкнется с лучниками? Я обучаю своих подопечных ловить стрелы на лету!

Цзянь кивал всем по очереди. Каждый из наставников играл особую роль в его обучении. Без них он не достиг бы таких высот.

— Сами видите, госпожа посланница, — произнес Фаару. — Вот почему я собрал столь разных наставников

со всех концов земли. Наш Предреченный герой будет готов к любым неожиданностям.

Тайши бросила косточку от персика через плечо, вытерла пальцы о свое крестьянское платье и вскинула руку, приказывая мастерам молчать. Никто не послушался — и тогда она рявкнула так, что по залу словно гром раскатился:

— Тихо!

Зычное эхо повисло в воздухе, и от одного присутствия этой женщины у Цзянь волосы встали дыбом. Она устремила на него стальной взгляд и произнесла резко и властно:

— Покажи мне кулак, мальчик.

Да как она смеет? Никому не позволено обращаться к нему «мальчик». Она что, не знает, кто он такой? Но Цзянь не стал спорить. Он послушно поднял руку и сложил пальцы. Несомненно, это была просьба с подвохом. Цзянь уверенно заговорил:

— Есть разные типы кулаков в зависимости от семейного стиля.

Он сжал кулак и изогнул запястье.

— Это круглый кулак в стиле Ван.

Краем глаза он заметил, как Ван одобрительно кивнул: мастеру понравилось, что его имя назвали первым.

Цзянь сжал кулак слегка наискось.

— Режущий удар в стиле Чан.

Он выдвинул костяшку указательного пальца.

— Обезьяний кулак. Хили.

Он повернул кулак костяшками вверх.

— Кулак-нож. Стил Бай.

Разжал ладонь.

— Неудержимый рубящий удар. Стил Синсин.

Ван фыркнул:

— Это вообще не кулак.

И два наставника опять сцепились.

Цзянь покраснел. Такие ссоры происходили часто, но, как правило, за закрытыми дверями. Ван и Синсин были

для него все равно что дядюшки. Он продолжал, согнув пальцы, как когти:

— Орлиный кулак. Стил Луда...

Тайши подняла руку.

— Довольно. Покажи мне защиту.

Цзянь повиновался. На сей раз он начал со стиля мастера Нинчжу, поскольку не успел продемонстрировать прямой удар кулаком в стиле Нин. Он скрестил запястья.

— Это священный крест семьи Нин. Это боковая защита Чан. Это защита с переходом в наступление в стиле Сун...

И тут Тайши протянула руку и ударила его по лицу.

Удар был не особо быстрым и не очень-то сильным. Цзянь видел, как движется ее рука, но растерялся. Ему хватило бы времени, чтобы отбить удар, уклониться, атаковать в ответ. По крайней мере, хотя бы приготовиться. Но Цзянь просто стоял и ждал, пока ладонь Тайши не шлепнула его по щеке. Голова у юноши мотнулась вбок, он пошатнулся и упал. К счастью, ковер был толстый.

Все ахнули.

— Ну и для чего нужны все ваши техники? — поинтересовалась Тайши, качая головой. — Потребовалось единство всех верующих в пророчество Тяньди, чтобы разыскать этого мальчика. На протяжении пятнадцати поколений каждого ребенка приносили к монахам Тяньди и подвергали испытаниям. Сотни верных подданных отправлялись за много миль. Император Сюаньшин, да продлится вечно память о его величии, поставил целью своей жизни найти Предреченного героя. Когда он скончался, пять государств империи Чжун из уважения к нему заключили мир между собой и предоставили императорский дворец, чтобы растить и обучать спасителя. Каждое государство прислало десятую часть своих воинов и запасов в качестве дани, чтобы защитить пророчество.

После этих слов Тайши указала на Цзяня.

— И что вы с ним сделали?

— Эй!

Этот возмущенный возглас невольно сорвался с губ Цзяня. Он решил, что с него хватит. Внутри он кипел.

Тайши, казалось, не слышала его.

— Вместо того чтобы готовить мальчика, вести его по пути воина и учить боевым искусствам, каждый из вас пытался оставить на нем свой отпечаток, завладеть им, назвать своим. Вместо того чтобы служить людям, вы искали славы — не только за счет мальчика, но и за счет всех государств Чжун.

На лицах мастеров отражались смешанные чувства. Одни были злы, другие пристыжены — и все пришли в замешательство. Цзяню не стоялось на месте. Никто и никогда раньше не отзывался о нем так. Никто не смел! Чужое пренебрежение злило Цзяня больше, чем необходимость выслушивать, как она поносит Синсина, Луду и прочих. У каждого есть недостатки... но они, во всяком случае, были его наставниками!

Не только мастерам пришлось столкнуться с гневом Тайши. Она повернулась к Фаару:

— А вы, господин Персик, скажите-ка, где другие наставники мальчика?

— Ч-что?.. — слабо выговорил Фаару.

— Вы приставили к нему восемь так называемых мастеров военного искусства. Но где же другие учителя? Кто обучает мальчишку стратегии, тактике и дипломатии? Кто учит его каллиграфии? Он вообще умеет читать? Этот неженка хотя бы в состоянии сосчитать до десяти?

Лицо дворцового управителя Фаару покрылось крупными каплями пота. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Наставники обучают его всему необходимому. Уверю вас, он будет готов, когда настанет время...

— Я умею читать... — начал Цзянь — и замолчал, когда Тайши повернулась к нему. Ее пристальный взгляд был невыносим. — Ну, немножко... — чуть слышно закончил он.

— Он умеет читать... ну, немножко, — передразнила она. — Я тащила через Зазубренные горы, поскольку меня уверили, что я увижу легендарное величие. Что Предреченный герой, спаситель пяти Поднебесных — зрелище, которое выдается раз в жизни. И что я увидела? Кучку калек и восьмерых глупцов, обучающих высокомерного избалованного мальчишку махать мечом, как палкой.

Цзянь наконец отлепил язык от нёба:

— Вы не имеете права так со мной разговаривать!

Тайши не обращала на него никакого внимания.

— Дворцовый управитель Фаару, я приняла решение. Я сама займусь обучением мальчика. С этой минуты он под моей ответственностью. Надеюсь, еще не слишком поздно.

Синсин поднял руку, как школьник:

— А как же мы?

Тайши резко ответила:

— В ваших услугах больше не нуждаются. Я хочу, чтобы вы все до единого покинули дворец до следующего восхода Короля.

Огонь в душе Цзяня наконец превратился в бушующий пожар. Если его наставники слишком вежливы и почти-тельны, чтобы защищаться, он, их ученик, заступится за них. Гнев придал ему храбрости.

— Это ты немедленно покинешь нас, женщина. Ты всего лишь посланница князя Шуланьского. Думаешь, можешь указывать всем только потому, что сжульничала на арене? За пределами площадки я никаких фокусов не потерплю!

Тайши смотрела на него с таким видом, будто укусила кислую сливу. Цзянь ожидал другой реакции. Он продолжал:

— Я — Предреченный герой народов Чжун. Мои наставники никуда не уйдут. Таков мой приказ. Они сделали меня воином. Я готов сражаться с ордами Хана хоть сейчас, если потребуется. Ручаюсь, я запросто его побью.

Он выпятил грудь. Тайши внимательно смотрела на него, но на сей раз Цзянь не съезжился под ее пристальным взглядом. Что она могла с ним сделать? Убить? Снова ударить по лицу? Пусть попробует. Для жителей Чжун он был почти богом.

— Правда, мальчик? — К его огромной досаде, Тайши улыбнулась. — А что тебе известно о Хане?

Цзянь вздернул подбородок:

— Он чудовище: наполовину человек, наполовину лошадь. Он силен, как гора, и туп, как быльжик. Он правит дикими ордами, сея ужас и смятение. Я сражу его, как бешеную собаку.

Тайши рассмеялась. Отчего-то чем радостнее делалось ее лицо, тем грознее она казалась.

— Это рассказали тебе глупцы, ни разу не ступавшие на поле брани? Ну а я вышла на бой против Хана, и наши клинки сошлись. Он дик, но не в том смысле, как ты думаешь, — ее голос звучал мечтательно и певуче. — Он выше любого обыкновенного человека. Волосы, которые разливаются, словно Травяное море. Голос сотрясает землю. На поле боя он сила природы. Ноги танцора, руки художника, уста поэта... — Тайши помолчала. — Ну, вроде того. Хотя, на мой вкус, его творениям недостает утонченности.

— Что? — Цзянь, казалось, растерялся. — Ты вообще на чьей стороне?

Тайши пожала плечами:

— Сам увидишь, если тебе не посчастливится и ваши пути пересекутся. Надеюсь, что это произойдет через много лет, мальчик, потому что Вечный Хан — художник смерти, бог войны, правая рука жестокости. Он убивает с выдумкой, истребляет противников десятками и сотнями для развлечения...

Она подошла ближе. От нее пахло персиками и немного опиумом и гнилью.

— В бою Хан — вихрь, состоящий из боевой ярости и мастерства, отточенного до совершенства. Он обладает силой великана и быстротой гадюки. Он ездит в бой на слоне и одной

атакой стирает с лица земли целые отряды. В битве у Северного Пэньюна он с пятьюдесятью всадниками перехитрил и уничтожил шестьсот воинов, в том числе двух вражеских генералов. Затем катуанцы сровняли город с землей и перерезали три тысячи мирных жителей. *Включая детей.*

В то самое мгновение, когда Цзянь набрался смелости, чтобы возразить, голос Тайши проник в его разум и сломил волю. Ее слова, наполненные энергией ци, вызвали перед мысленным взором Цзяня ужасающие образы. Огромная фигура вышла из гущи высоких качающихся стеблей травяного леса и двинулась к нему. Гром и молния возвещали ее приближение. У этого зловещего великана были длинные клыки, острые когти и, весьма вероятно, четыре руки, одна из которых сжимала копье высотой с дом. Наконечник призрачного копья коснулся груди Цзяня и проткнул кожу, как рисовую бумагу. Цзянь попытался крикнуть, но у него вырвался лишь болезненный всхлип. Копье вонзилось глубже, прошло через кость и сухожилия и вышло через спину. Ужас сковал грудь юноши. Его желудок сжался. Цзянь попытался вырваться, но кто-то держал его железной хваткой. Комната закачалась, и юноша вплотную увидел морщинистое лицо Тайши. Грубая, покрытая рубцами рука клешней обхватила его запястья.

— Сначала он освежает тебя и убьет, потом оторвет твои руки от тела, чтобы ковырять ими в зубах. Твою отрубленную голову он превратит в кубок, из снятой кожи велит сшить плащ. Таков Вечный Хан, с которым тебе предназначено сразиться. Ты уверен, что готов встретиться с ним на поле боя?

Цзянь открыл рот, но не сумел произнести ни слова. От воображаемой боли и от ужаса у него перехватило дыхание. И тогда Вэнь Цзяня, Предреченного героя, воина пяти Поднебесных, спасителя народов Чжун, которому суждено было вести Просвещенные государства против диких орд Катуа, вырвало персиковым соком прямо на ноги Линь Тайши. А потом юноша упал без чувств.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)